

DOI: DOI 10.25991/VRHGA.2018.19.3.029

УДК: 261.5

*А. М. Прилуцкий**, *О. Н. Резник***

ВЛИЯНИЕ ПРОТЕСТАНТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ НА ОТНОШЕНИЕ К МЕДИЦИНСКИМ ТЕХНОЛОГИЯМ В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ***

В статье анализируется влияние протестантской антропологии на формирование массового восприятия современных медицинских технологий в культуре повседневности. Авторы исходят из предпосылок о том, что в современном общественном дискурсе представлен «медицинский миф», объединяющий мифологемы древнего эсхатологического мифа и более современного конспирологического. Статья выполнена в рамках комплексного теологического и религиоведческого подхода. Обосновывается положение о том, что протестантская герменевтика способствовала формированию новой антропологической парадигмы.

Ключевые слова: протестантизм, антропология, герменевтика, медицинские технологии, постмодерн.

А. М. Prilutskii, O. N. Reznik

THE INFLUENCE OF PROTESTANT ANTHROPOLOGY ON THE ATTITUDE TOWARDS MEDICAL TECHNOLOGIES IN THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE

This article is devoted to the study of the impact of the specifics of Protestant anthropology on the formation of everyday attitudes towards modern medical technologies. The article is made as part of an integrated approach using the methods of theological and scientific religious studies. The authors proceed from the premise that the “modern medical myth” is presented

* Прилуцкий Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор, член экспертного совета ВАК; заведующий кафедрой истории религии и теологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; aprilutskiy@herzen.spb.ru

** Резник Олег Николаевич, доктор медицинских наук, профессор, руководитель Санкт-Петербургского городского координационного центра, НИИ скорой помощи им. И. И. Джанелидзе; вице-председатель, Российское общество трансплантологов; председатель, Ассоциация трансплантационных координаторов; главный научный сотрудник, Институт философии РАН; onreznik@gmail.com

*** Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 17–18–01444.

in modern social discourse, combining the myths of the ancient eschatological myth and the more modern conspiracy myth. The authors analyze the hermeneutical background of Protestant anthropology and its influence on the formation of a new anthropological paradigm.

Keywords: Protestantism, anthropology, hermeneutics, medical technologies, postmodern.

Активно отмечавшееся в 2017 г. пятисотлетие Европейской Реформации стало поводом для всестороннего изучения данного феномена, безусловно оказавшего влияние не только на динамику религиозных процессов в пост-средневековой Европе, но и на различные аспекты европейской и мировой культуры. Сегодня, в условиях глобализации, мы становимся свидетелями тому, как религиозный фактор не только не утрачивает своей значимости, но и все более и более активно влияет на социальные и политические процессы.

Постановка задачи исследования

Несмотря на то что в современной России (равно как и в Российской Империи) протестантизм фактически был и является явлением субкультурным, влияние протестантского дискурса прослеживается на различных стратах культуры повседневности, причем это влияние порождает разнонаправленные процессы в семиозисе. Современные исследования влияния протестантизма на отечественную культуру, в т. ч. культуру повседневности, как правило, нацелены на выявление влияния в сфере этики, формирования политических предпочтений адептов, иногда — в области эстетики, еще реже — эсхатологии. Влияние протестантской мировоззренческой традиции на отношение к современным медицинским технологиям, в т. ч. трансплантологии, до настоящего времени на отечественном материале не изучалось. Однако для такой постановки вопроса есть ряд аргументов.

Во-первых, лидирующее положение в трансплантологических исследованиях, на протяжении многих лет принадлежащее странам протестантской традиции (включая культуры поликонфессиональные, но с выраженным и значимым протестантским присутствием), способствует опосредованному усвоению маркеров протестантской традиции за пределами протестантского мира в результате явлений интердискурсивности. Несмотря на выраженные процессы секуляризации западной культуры, элементы протестантской этики сохраняют свою продуктивность даже в условиях либерально-секулярного мира.

Во-вторых, благодаря уже упомянутой нами культурной глобализации, протестантская культура оказывается способной оказывать влияние на культурные традиции народов, никогда не входивших в орбиту протестантского мира.

Наконец, наличие в современной российской культурной стратификации достаточно влиятельного «западного движения» — сторонников западного образа жизни и соответствующей ему аксиологии, способствует распространению различных идеологем, в т. ч. протестантского генезиса, в СМИ и шире — медийном дискурсе.

В связи с этим целью настоящего исследования является изучение векторов влияния протестантских теологем и идеологем протестантского генезиса на отношение к трансплантологии в отечественной культуре повседневности.

В качестве источников нами использованы, прежде всего, материалы религиозных и теологических исследований, публикации протестантских авторов, а также устные нарративные источники, отражающие динамику отношения к трансплантологии в дискурсах повседневности, в т. ч. «трансплантологическую мифологию» и отношение к ней. Методологически исследование выполнено в рамках комплексного подхода комбинирующего методы исторического подхода, семиотического, семантического и дискурс-анализа с методами анализа мифологических текстов и изучения устных нарративных источников.

Исторические предпосылки современной протестантской антропологии

Протестантизм, возникший благодаря попыткам реформирования средневекового католицизма, переживавшего затянувшийся кризис, никогда не отличался внутренним единством. Структурная разобщенность, отсутствие унифицированной теологии и литургики, взаимное непризнание сакраментальных действий и т. п. дает основание для правомерной критики представлений о протестантизме как едином вероисповедальном, и шире — культурно-религиозном пространстве. Наряду со сложной конфессиональной стратификацией, протестантский мир всегда характеризовался наличием в нем как минимум двух тенденций — определим их как «либеральную» и «фундаменталистскую». Либеральные тенденции в европейской Реформации ощутимы уже при жизни отцов-основателей лютеранства: так, знаменитый современник и в определенном смысле ученик М. Лютера — Филипп Меланхтон неоднократно заявлял о желательности компромисса как с католической церковью, так и сторонниками радикальных реформ. В этом отношении Тюбингенская школа, осуществившая попытку применения диалектики Гегеля для объяснения специфики развития христианства и работавшая в рамках критической герменевтики, не является первопроходцем протестантского либерализма, но скорее представляет собой логичный продукт развития либеральных тенденций, присущих протестантизму изначально; как известно, уже М. Лютер разработал основы грамматико-исторического понимания Библии [3, р. 102], без которого либеральная протестантская герменевтика вряд ли была бы возможной. Диалектика Гегеля оказала значительное влияние на формирование критической методологии теологических исследований, популярной среди первого поколения либеральных теологов протестантских конфессий [9, р. 16–49]. Позднее, в XX в., либеральное богословие выступает в качестве грандиозной попытки пересмотра традиционного церковного вероучения в целях приспособления его к уровню современного научного знания [2, р. 51–52], что, фактически означало разрыв традиции, которая, по меткому выражению П. Лакеланда, является наследием прошлого, инвестируемым в настоящее ради будущих дивидендов [4, р. 271]. Сформировавшаяся в результате этих реформ субъективистская модель понимания текста поставила во главу угла некий условный «дух Иисуса», все несогласное с ним объявлялось не имеющим канонического авторитета [7, р. 65].

Фундаменталистское направление, возникшее в качестве богословской и шире — социо-культурной реакции на крайности либерализма, исходит

из принципа некритичного восприятия некоторых положений христианской теологии, таких как вера в непогрешимость Библии, ряд христологических догматов, Страшный Суд и т. д., но представляет их, особенно первый из вышеупомянутых, в специфической протестантской интерпретации. Будучи изначально движением аполитичным, фундаментализм в XX в. равно дистанцировался и от марксизма, и от американской политики во Вьетнаме [6, р. 51].

В плане антропологии протестантизм изначально базировался на традиционных положениях католической теологии, однако позднее протестантская антропология испытала сильнейшее влияние вульгарного рационализма и позитивизма. В итоге базовые антропологические понятия начинают интерпретироваться в категориях вины и ответственности за вину: грехопадение прародителей понимается как отчуждение от Бога, в результате которого человек утрачивает правильное понимание ответственности за все творенье, именно так, например, в современной протестантской теологии объясняется современный экологический кризис [1, р. 128]. В результате влияния рационалистических философских концепций XVIII–XX вв. сформировался культурно-богословский феномен современного либерального протестантизма, отличающегося резистентностью к современным явлениям постмодернистской культуры, идеализацией принципов личной и личностной свободы, крайне критичным отношением к традиционной системе богословских авторитетов, в т. ч. отвержением веры в незыблемость базовых христианских этических постулатов. В своих крайних проявлениях либеральный протестантизм предлагает широкомасштабное переосмысление феномена человеческой жизни и сопряженных с ним этических и медико-этических вопросов, это является одной из причин, обуславливающих развитие практики эвтаназии именно в протестантских странах.

Современная протестантская либеральная антропология

Если для средневековой католической антропологии было в целом свойственно отношение к человеку как к духовно-телесному единству, своего рода антропологическому комплексу телесно-духовных проявлений, что обуславливалось не в последнюю очередь сугубо теологическими соображениями сотериологического характера (спасается весь человек именно как единство духовного и телесного), то в протестантизме под влиянием идей либеральной теологии Нового времени происходит формирование новой антропологической парадигмы. Антропология утрачивает цельность, соответственно духовное начинает пониматься как особый онтологический уровень, существующий параллельно с телесным, но практически с ним не пересекающийся. Согласно такой модели, религиозные институты контролируют преимущественно сферу вероучительную, все же, что соотносится с областью телесного, находится преимущественно в области свободного выбора человека. В такой модели человек сам определяет границу между дозволенным и запретным, что распространяется на образ жизни в широком смысле: начиная от проблем гендерной идентичности и заканчивая отношением к этической оценке тех или иных медицинских технологий. Подобный отказ от признания в качестве неизменного авторитета моральных предписаний, восходящих к новозаветной этике, равно как и любых

теологических установлений, часто обозначатся термином «моральная автономия», причем производным от него понятием стала категория «сексуальной автономии», активно продвигаемая либерально-феминистскими кругами [5]. Теологическое осмысление моральной автономии в протестантизме во многом было обусловлено влиянием кантианской этики, предполагающей способность человека самостоятельно определять для себя границы этического в качестве морального закона, и следовать ему в повседневной деятельности. В известном смысле развитие принципов моральной автономии было реакцией протестантской антропологии на жесткую регламентированность средневековой католической этики, фактически не оставлявшей для человека возможности выбора модели поведения. Однако для того, чтобы произошло фактическое размежевание этики повседневной жизни и вероисповедной сферы, регулируемой теологическими принципами, потребовалась революционная смена мировоззрения, получившая наименование «секуляризация». Из соединения постулатов секулярного мировосприятия и положений кантианской моральной автономии сформировалась биоэтика либерального протестантизма, нашедшая свое проявление в целом ряде характерных тенденций развития религиозной ситуации современности.

Одним из наиболее показательных проявлений подобных изменений становится попытка теологического осмысления понятия «качество жизни», осуществляемого в категориях современной протестантской теологии успеха. В наиболее упрощенном варианте, представленном в современных протестантских движениях харизматическо-пятидесятнического паттерна, данная тенденция проявляется в гипертрофированном понимании прав личности, которые понимаются так широко, как это необходимо для достижения максимального жизненного успеха. Причем последнее переносится и в область здравоохранения: если в традиционной христианской парадигме основными категориями были милосердие и любовь к страждущему человеку [10], то теперь на первое место выступает категория свободы в ее радикально-либеральной интерпретации. Свободное решение человека, даже если оно только формально является свободным, а на самом деле — результат применения различных манипуляционных технологий, объявленное высшей мирской ценностью, предполагает в конечном счете легализацию таких поведенческих стереотипов, которые с точки зрения традиционного христианства явно недопустимы.

В рамках такого подхода тело человека интерпретируется как биологический ресурс, обеспечивающий достижение успешной и комфортной жизни. Соответственно каждый человек как носитель автономной морали волен распоряжаться данным ресурсом по своему усмотрению: отсутствует принципиальное различие между распоряжением своим телом и, например, принадлежащим человеку движимым и недвижимым имуществом. Хорошо, конечно, если человек распоряжается этим ресурсом ответственно, но и безответственное распоряжение допустимо как проявление самостоятельного выбора: коль скоро персональная ответственность человека за результат его жизни в протестантизме получает сугубо юридическую интерпретацию, то возможности всякого внешнего ограничения свободы минимизируются. В итоге внешнее понуждение человека к ответственной и благочестивой

жизни, столь характерное для раннего кальвинизма, в современном либеральном протестантизме превращается в грех еще больший, нежели самая безнравственность: нет большего греха, чем произвольно ограничивать чужую свободу. В итоге формируется новая секулярная парадигма: при минимальном внешнем контроле, обеспечивающим защиту окружающих от возможного безответственного распоряжения имуществом, приносящего вред государству и социуму, человек совершенно свободен в выборе поведенческой модели: последняя всецело относится к сфере его персональной ответственности перед Богом и собственной совестью. В результате открываются возможности для различных морально-этических спекуляций: коль скоро на теологическом уровне декларируется широко понимаемая свобода, то на практике возникают возможности фактической апологетики сомнительных с моральной точки зрения подходов и практик.

Другая причина-предпосылка происшедшей под влиянием протестантской реформации смены европейской этико-медицинской парадигмы коренится в том «расколдовывании мира», которое значительно усилилось под влиянием последствий Реформации, хотя и начался этот процесс уже в античности [8, р. 20]. Сугубо механистическое понимание мира, закономерности и процессы которого могут быть всецело объяснены при помощи естественнонаучных дисциплин, способствовало тому, что и в традиционной этике осуществился перенос акцентов с метафизических вопросов на категории, формирующие повседневную жизнь человека. Теология и этика в результате происшедших изменений утрачивают внутреннее единство и распадаются на частные вопросы. Так, например, формируется теология освобождения, теология экологического кризиса, теология «Черного континента» и прочие направления, получившие наименование «теологии родительного падежа».

Формирование «трансплантологического мифа» о «черных трансплантологах», тайно вырезающих органы у ничего не подозревающих бедолаг, волею обстоятельств попавших в их сети, является примером мифологии Новейшего времени, в которой соединяются реликты древнего колдовского мифа — варианты мифа о могущественном маге, владеющем тайными силами — с современным конспирологическим мифом. Подобная контаминация сюжетов носит не случайный характер. Несмотря на тенденции к рационализму и прагматизму, семиосфера протестантизма оказалась слабо резистентной колдовской истерии Нового Времени. Разочарование в примитивном рационализме толкало представителей среднего класса в объятия худших форм мистицизма и демономании. Образ «врача-вредителя», «врача-отравителя» вовсе не является продуктом политического мифотворчества XX в., он безусловно восходит к древним мифологическим архетипам, во многом фундированным протестантской традицией. Сегодня можно говорить о формировании целого фольклорного жанра медицинской былички, однако в отечественном городском фольклоре это, безусловно, явление заимствованное. Впрочем, протестантская мифологизация не ограничена фольклором. Социальные концепции современности, включая мифологемы конца истории и хилиастический миф свободного рынка, тоже имеют религиозное основание в антиномиях протестантского рационализма и мистицизма.

В результате формируется квазибогословское направление «теология открытого рынка», получившее распространение среди адептов либерального протестантизма. Развивающаяся в рамках данного направления «экономическая антропология» предполагает, что идеология свободного рынка обладает теологическим измерением и может интерпретироваться при помощи категорий религиозной этики. Коль скоро свобода является религиозной ценностью, а свободный рынок в свободной стране является квинтэссенцией свободы в пространстве социума, то свободный рынок становится своего рода религиозным идеалом построения царства Бога на Земле. Свободный рынок в рамках теологии открытого рынка является не только символическим проявлением человеческой свободы, но и инструментом формирования поведенческих стереотипов, приходящих на смену традиционной религиозной этике.

Формирование идеала «оптимального поведения человека» задает общий квазибогословский тон этому направлению: идеальный человек — это идеальный потребитель товаров и услуг, поддерживающий оптимальную модель функционирования экономических институтов. Иными словами: идеальный потребитель потребляет именно то и именно в таких количествах, что необходимо в данный момент для стимулирования развития глобального рынка. В этом отношении медицинские технологии являются одним из товаров глобального рынка, спрос на которые не существует в отрыве от спроса на другие товары и услуги. Потребление медицинских технологий в соответствии с тенденциями моды, под воздействием рекламы (пропаганды), рассматривается как один из инструментов развития глобального рынка, одним из ресурсов которого становится наряду с технологиями и само человеческое тело. Тело человека становится не только предметом применения технологий, направленных на улучшение качества жизни, но и предметом капитализации затрат.

В той степени, в которой постмодернизм — это «пустое понятие современности», является реакцией на модерн, обвиняемый современниками в гедонизме, атеизме, секулярном гуманизме и моде на асоциальное поведение [4, р. 231], — он (т. е. постмодернизм) является продуктом протестантской Реформации. Очевидно, что дискурс постмодернизма во многом является дискурсом протестантским, соответственно для преодоления его ограниченности, тенденций трансформирования в идеодискурсы общества потребления и подобные явления, необходима иная система ценностей, способная противостоять идеологиям примитивного рационализма и прагматизма. Это безусловно затрагивает и сферу антропологии, поскольку непосредственно связано с вопросом о месте человека во всех аспектах его экзистенции в системе ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Forell G. W. *The Protestant Faith*. — Philadelphia: Fortress Press, 1977. — 308 p.
2. Grenz S. J., Olson R. E. *20th Century Theology. God & the World in a Transitional Age*. — Illinois: Inter Varsity Press, 1992. — 394 p.
3. Grimm H. J. *The Reformation Era 1550–1650*. — New York: The Macmillan Company, 1958. — 675 p.

4. Lakeland P. *Theology and Critical Theory. The Discourse of The Church.* — Nashville: Abingdon Press, 1990. — 271 p.
5. Linnane B. F. *Celibacy and Sexual Malpractice: Dimensions of Power and Powerlessness in Patriarchal Society // Theology and New History / Macy G., ed.* — Maryknoll; New York: Orbis Books, 1999. — P. 227–245.
6. McLeod H., Saarinen R., Lauha A. *North European Churches from the Cold War to Globalisation.* — Jyväskylä: Gummerus, 2006. — 136 p.
7. Ramm B. *Protestant Biblical Interpretation. A Textbook of Hermeneutics for Conservative Protestants.* — Boston: W. A. Wilde Company, 1956. — 273 p.
8. Rist M. J. *Why Greek Philosophers Might Have Been Concerned about the Environment // The Greeks and the Environment.* — Lanham; New York; Boulder; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 1998. — P. 19–33.
9. Schwarz H. *Theology in a Global Context. The Last Two Hunder Years.* — Cambridge, 2005. — 597 p.
10. Uhlhorn G. *Christian Charity in the Ancient Church.* — New York: Charles Scribner's sons, 1883. —424 p.